

СООБЩЕНИЯ

О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году

Я. Цитович

В американской и отчасти западноевропейской исторической литературе утвердилась легенда о якобы решающей роли США в разгроме кайзеровской Германии в 1918 году. Эта легенда проникла и в советскую историческую литературу. Даже такой солидный труд, как «История дипломатии», не свободен от ошибочных утверждений, что «вступление США в войну весной 1917 г. оказало на неё своё решающее влияние в середине 1918 г.»¹ и что перемирие в Компьне означало полную капитуляцию Германии².

В действительности же правящие круги США, особенно в последние месяцы войны, приложили все усилия к тому, чтобы спасти империалистическую Германию от полного разгрома.

Выяснить подлинную роль США в исходе первой мировой войны невозможно без учёта всей создавшейся тогда сложной международной обстановки и прежде всего без глубокого понимания всемирно-исторического влияния Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин в речи на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. е. почти за два с половиной месяца до подписания Германией условий перемирия в Компьне, говорил: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полшутя говорили германские дипломаты — «русификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой»³.

Как правило, буржуазные политики и историки всячески игнорируют и затушёвывают роль Советской России в поражении кайзеровской Германии. Тем более непростительно забвение этой истины некоторыми советскими историками.

Даже ярый враг Советской России Людендорф вынужден был признать: «Теперь,

задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции. С одной стороны, правительство было озабочено опасностью подобного же развития у нас, а с другой стороны, выявило свою неспособность влить в широкие народные массы новые силы и укрепить в них понижающуюся, по бесконечно многим причинам, волю к войне»⁴.

Буржуазный американский историк Ральф Хасуэлл Лютц, автор ряда работ по истории Германии и истории американско-германских отношений, также был вынужден (хотя и с большой неохотой и оговорками) констатировать гигантскую роль Советской России в разгроме кайзеровской Германии. «Идеи большевизма, которые проникли в Германию через Брест-Литовск, — пишет он, — были почти такой же могущественной силой, принявшей участие в разгроме гогенцоллернской Германии, как и армия Антанты»⁵.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, означавшая коренной перелом в истории человечества, вместе с тем являлась и коренным переломом в ходе первой мировой империалистической войны. Как известно, на протяжении всей войны решающую роль в обеспечении победы над Германией играл Восточный, русский фронт. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, образование в лице Советской России революционного тыла на Востоке и Отечественная война советских народов против германских оккупантов не только помешали кайзеровской Германии разгромить армии Антанты, но и сыграли величайшую роль в сокрушении военной мощи Германии. Без глубокого понимания этой истины нельзя понять ни последующего развития мировой империалистической войны и её исхода, ни ведущей роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году.

В американской и отчасти в западноевропейской исторической литературе не было недостатка в восхвалениях «мудрой» и

¹ «История дипломатии». Т. II, стр. 359. Госполитиздат. 1945.

² См. там же, стр. 374.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 67.

⁴ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. II, стр. 37. М. 1924.

⁵ R. Lutz. The German revolution 1918—1919, p. 119. Stanford univ. Cal. 1922.

«справедливой» политики президента Вильсона, который в самом начале войны заявил о нейтралитете США, а спустя почти три года объявил войну Германии, выступив на стороне Антанты. «Уолл-стрит джорнл» не без основания писал: «Война для нас — дойная корова; она принесла нам прибыли и сверхприбыли».

Но орган нью-йоркских банковских кругов многого, конечно, не договаривал. Война действительно являлась чрезвычайно выгодным бизнесом для американских империалистов. В то время, как европейские участники войны гибли, США обогащались. Из страны, вывозившей до войны главным образом продукты сельского хозяйства, США превратились в страну по преимуществу промышленного экспорта; из должника они превратились в кредитора, из «американского» государства — в мировую империалистическую державу.

Однако финансовая олигархия США отнюдь не ограничивалась только использованием войны в целях своего экономического обогащения. Наживаясь на войне в Европе, выигрывая на взаимном ослаблении воюющих коалиций, она вместе с тем вынашивала далеко идущие планы установления господства американского капитала в Европе и во всём мире.

Это понимали и видные представители обоих враждующих лагерей в Европе. Генри Стид, редактор иностранного отдела газеты «Times», беседуя однажды с американскими офицерами, сказал: «Знаете, что у нас в Европе говорят об Америке... Американцы вместо того, чтобы вступить в войну с самого начала или после гибели «Лузитании», оставались лишь простыми наблюдателями и поджидали момента, когда все силы Европы будут истощены, чтобы, затрачивая минимум усилий и средств, присвоить себе всю славу»⁶.

«История дипломатии» даёт следующее объяснение нейтралитета США: «Когда в Европе началась война, США заявили о своём нейтралитете. Политика США была достаточно сложной. Для них была бы невыгодна полная победа ни той, ни другой воюющей группировки. Америка предпочитала видеть Европу расколотой на два соперничающих лагеря. Ни победа и гегемония Германии, ни полное торжество Англии и России не ульбались США. Но победа Германии была бы наименее желательной: она привела бы к гегемонии единственной державы во всей Европе. Известны были и колониальные планы германского империализма в Латинской Америке, в частности в Бразилии. Не была исключена и возможность германо-японского союза против США. Это было одной из причин, почему нейтралитет США был с самого начала более благоприятным для Англии. Таким образом, поток пацифистских фраз Вильсона и его выступления с целью примирения воюющих держав имели под собой весьма реальную почву: вся эта дипломатия пацифизма отвечала заинтересованности США в том, чтобы в Европе со-

хранились две соперничающие группировки»⁷.

Здесь объяснение нейтралитета США сводится к их стремлению сохранить в Европе две соперничающих группировки. Несомненно, этот фактор имел большое, но отнюдь не решающее значение.

В. И. Ленин в связи с очередным пацифистским выступлением Вильсона ещё в январе 1917 г. писал в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»: «Выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бедствия вооружение Соединенных Штатов явно в целях второй великой империалистической войны»⁸.

Таким образом, Ленин указывал, что цель американского империализма заключалась в том, чтобы подготовить новую империалистическую войну. Монополистический капитал США, борясь за установление своего господства в Европе и в Азии, был заинтересован в том, чтобы, сохранив на данном этапе две соперничающих группировки в Европе, в конечном итоге их взаимно ослабить.

Лицемерные, пацифистские выступления Вильсона, этого глашатая американского империализма, этого, по выражению В. И. Ленина, «главы американских миллиардеров, прислужника акул капиталистов»⁹, преследовали цель обмануть народные массы, подготовить общественное мнение в США и за границей ко вступлению США в войну за реализацию своих империалистических планов.

«История дипломатии» объясняет вступление США в войну следующим образом: «Поражение Антанты нанесло бы сильнейший экономический ущерб американскому империализму и политический удар Вильсону и демократам. Допустить этого поражения США не могли... Влиятельнейшие капиталистические круги во главе с Морганом требовали от Вильсона поддержки должника США — Антанты. Если бы Вильсон и хотел, он не мог бы им противостоять. В случае, если бы Антанта была разбита и последовал бы крах финансового благополучия США — пресловутого «просперити», — могущественная пресса деловых кругов ответственность за это возложила бы прежде всего на президента»¹⁰.

Не говоря уже о явном приукрашивании роли Вильсона, приведённое объяснение однобоко видит главную причину вступления США в войну в проблеме поддержки своего должника и в сохранении двух соперничающих группировок в Европе.

США объявили войну Германии 6 апреля 1917 г., когда ресурсы обеих борющихся коалиций были уже достаточно истощены,

⁷ «История дипломатии». Т. II, стр. 295—296.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 180.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 52. 3-е изд.

¹⁰ «История дипломатии». Т. II, стр. 296—297.

⁶ H. Steed. Mes souvenirs. Vol. II, p. 153. Paris. 1927.

вооружённые силы были истрепаны в течение продолжительной, почти трёхлетней войны, финансовый капитал нажил миллиарды на нищете и крови народной, а на фронте и в тылу нарастало огромное возмущение народных масс ненавистной войной, преступной политикой господствующих классов. В Европе налицо была революционная ситуация. В России победила февральская буржуазно-демократическая революция, рабочий класс и крестьянство под руководством большевистской партии боролись за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Расчёты империалистов США и Антанты на русское «пущенное мясо» терпели крах. Революция в России, революционные выступления в странах обеих воюющих коалиций вызвали величайшую тревогу и смертельный страх в рядах господствующих классов.

Объявляя войну центральным державам и опираясь на своё возросшее экономическое могущество, США преследовали цель, с одной стороны, продиктовать обесиленной Европе свои условия, свой, «американский» мир, а с другой — стать надёжной опорой и защитником господствующих классов в Европе в связи с назревавшей революцией.

21 июля 1917 г. Вильсон писал Хаузу: «Взгляды Англии и Франции на мир не имеют ничего общего с нашими. Когда кончится война, мы заставим их принять нашу концепцию мира, ибо к тому времени они будут зависеть от нас в финансовом отношении. Но сейчас мы на этом настаивать не можем, так как это приведет к разногласиям, которые могут стать известны народу»¹¹.

Финансовая олигархия США, больше всех нажившаяся на войне, ставила перед собой гигантскую, но невыполнимую задачу — добиться американской гегемонии в Европе и во всём мире.

Непреодолимой преградой к осуществлению этой задачи стала победившая в России Великая Октябрьская социалистическая революция. Она вдохновляла трудящиеся массы других стран на борьбу против империалистической войны, вселяла в их ряды уверенность в собственных силах и являлась грозным предостережением для империалистических правителей обеих воюющих коалиций.

«Даже простой факт существования «большевистского государства», — писал И. В. Сталин, — накладывает узду на чёрные силы реакции, облегчая унетённым классам борьбу за своё освобождение»¹².

Перед лицом Советской России, перед лицом революционного кризиса в европейских странах для империалистов США и Антанты проблема разгрома Германии оказалась неразрывно связанной с проблемой предотвращения революционного взрыва в своих собственных странах, проблемой подавления назревавшей революции в Германии и прежде всего удушения Советской России.

Как известно, предложение советского правительства всем народам и правительствам воюющих наций немедленно приступить к заключению демократического мира без аннексий и контрибуций не было даже удостоено ответом со стороны правящих кругов США и Антанты.

8 января 1918 г. Вильсон в своём послании конгрессу изложил в 14 пунктах программу мира, отвечавшую интересам финансовой олигархии США. По словам самого Вильсона, его 14 пунктов были выдвинуты как «встречный удар» против мирных предложений Советской России, в противовес ленинско-сталинскому декрету о мире и должны были успокоить народные массы капиталистических стран видимостью «демократического», «справедливого» мира.

Вильсон и его апологеты немало поработали над тем, чтобы изобразить свою программу мира как преследующую якобы высокоправственные цели и ставящую своей задачей облагодетельствовать всё человечество. Но если освободить эту программу от её лицемерной обложки, то в действительности она выражала весьма утилитарные интересы господствующих классов, финансовой плутократии США в особенности. Из-под вуали демагогии выступало лицо глашатая господства американского капитала в Европе и во всём мире. Все старания многочисленных апологетов Вильсона, певших дифирамбы «мудрому и справедливому» президенту, не могли скрыть империалистический характер его политики.

Основным орудием американского господства над миром, по мысли Вильсона, должен был явиться «союз народов», или «Лига наций». Вильсон полагал, что это международное объединение будет, с одной стороны, представлять собой единый фронт капиталистических держав под руководством влиятельнейшей США, направленный против Советской России, а с другой стороны, обеспечит США преобладающее место в лагере ослабленных войной капиталистических государств Европы.

Не говоря уже об общеизвестных требованиях «свободы морей» и «уничтожения препятствий для международной торговли», открыто направленных против Великобритании, о чём свидетельствовал и туманно сформулированный пункт относительно колоний, Вильсон нарочито туманно сформулировал даже столь животрепещущий для Франции вопрос об Эльзас-Лотарингии: «Зло, причинённое Францией Пруссией в 1871 г. в отношении Эльзас-Лотарингии, которое привело всеобщий мир в неустойчивое состояние почти на пятьдесят лет, должно быть исправлено для того, чтобы мир снова был обеспечен в интересах всех».

Отсутствие прямого требования возвращения Франции Эльзас-Лотарингии вызывало у германских империалистов определённую надежду на сохранение Эльзас-Лотарингии в системе Германии на правах автономной области.

Даже такой империалистический тигр, как Клемансо, характеризизуя «идеализм» Вильсона, однажды заметил: «Это не идеалист. Идеалист — это тот человек, который стро-

¹¹ Цит. по Ch. Seymour. American Diplomacy during the world war, p. 270. Baltimore. 1934.

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 247.

ит социальное звание по своему идеалу. Вильсон же практический человек, который строит для себя хороший дом, очень просторный, на хорошем фундаменте, а когда дом готов, он водружает на верхушке свой «идеал», подобно тому, как каменщики водружают свой флажок»¹³.

Характеризуя программу Вильсона, Клемансо не без иронии писал: «Америке было мало половины земного шара для помещения ее капиталов... В то время, как наши солдаты погибали, господин президент Вильсон размышлял над целями сражений. Вначале он объявил их недостойными американского внимания, а вот когда они привели к мировому кризису, ему понадобилось не менее четырнадцати пунктов переустройства, чтобы найти выход»¹⁴.

Клемансо прекрасно понимал, что Вильсон, строя для себя «хороший» и «очень просторный дом», рассматривал Францию как одну из удобных квартир в этом доме, что «для Соединенных Штатов не было безразличным, торговать ли с процветающей Францией или с Францией разоренной»¹⁵. «Дипломатия доллара» уже тогда рассчитывала, под видом «американской помощи», прикрепить французский народ к золотой колеснице США и установить своё фактическое господство над Францией.

Андре Тардьё, командированный во время войны в США в качестве верховного комиссара для наблюдения за изготовлением и отправкой амуниции и продовольствия во Францию и наживший на этих поставках не одну сотню миллионов франков, рассказывает в своей книге «Мир»: «Деловые круги (США.—Я. Ц.) были недовольны, что Франция не привлекает их к делу своего восстановления. В октябре 1918 г. я получил от министра финансов Мак Аду проект закона, предоставляющий нам для этих целей широкий кредит, однако наши технические министерства, стремясь поддержать национальную промышленность, не согласились выработать такую программу закупок в Америке, которая соответствовала бы этим кредитам, и несколько месяцев спустя проект был снят с обсуждения»¹⁶.

Таким образом, эта попытка американского закабаления Франции тогда не увенчалась успехом. «Этим и объясняется,— пишет далее Тардьё,— равнодушие (США.—Я. Ц.), так обижавшее Францию, не пытавшуюся понять его причин».

Программа Вильсона находилась в резком противоречии с интересами империалистических партнёров США — Англии и Франции. Не останавливаясь в данной статье на всей совокупности империалистических противоречий в лагере союзников, необходимо отметить, что по германскому вопросу каждый из союзников преследовал свои специфические цели.

¹³ «Esprit de Clémenceau», p. 94. Paris. 1925.

¹⁴ Clémenceau. Grandeurs et misères d'une victoire, p. 138—139. Paris. 1930.

¹⁵ Там же, стр. 148.

¹⁶ А. Тардьё. Мир, стр. 385—386. Госполитиздат. 1943.

Французский империализм был заинтересован в полном разгрома Германии и в таком её ослаблении, которое позволило бы ему установить свою гегемонию на континенте Европы.

Английский империализм добивался прежде всего сокрушения экономического могущества своего противника, уничтожения немецкой конкуренции, ликвидации угрозы со стороны германского военно-морского флота и приобретения новых колоний за счёт Германии. Вместе с тем английский империализм был против слишком большого ослабления Германии и против чрезмерного усиления Франции.

Американский империализм, претендовавший на роль мирового гегемона, стремился сохранить уже достаточно ослабленную в войне Германию от полного разгрома, как противовес Англии и Франции, подчинить Германию своему собственному влиянию и превратить немецкий народ в рабов американского капитала.

Эти планы финансовой олигархии США были достаточно ясны и для самих германских империалистов. Весьма симптоматичной в этом отношении являлась статья, подписанная инициалами «К. Р.» и опубликованная в германском офицере «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» под заголовком «Диктатор Европы». Автор писал: «Скоро пройдут те времена, когда в Лондоне и Париже с радостью смотрели на прибывающую американскую помощь в виде денег, снабжения и солдат. Ведь Америка уже раскрыла свои карты. Она отказывается от своего старого жеста, будто она взяла на себя тяжесть войны ради идеальных благ, свободы народов и ради сокрушения германского милитаризма».

В результате этой войны обесиленной в экономическом, политическом и военном отношениях Европе будет противостоят Америка, всосавшая в себя европейские ценности и готовая играть роль диктатора Европы и диктатора мира».

Нынешние союзники Соединенных Штатов станут тогда теми, кто больше всего будет страдать под американским гнетом. Если они тогда пожалеют о минувших прекрасных днях, пусть они вспомнят о том времени, когда военный фанатизм заставил их быть слепыми по отношению к надвигающейся опасности»¹⁷.

Германский империализм пытался использовать угрозу американского господства и вызванную этим огромную тревогу в правящих кругах Антанты, чтобы нащупать пути «примирения» с Англией и даже с Францией в духе пресловутого «мира по соглашению».

Но ни английский, ни французский империализм отнюдь не собирався, тем более теперь, в связи с явно наметившимся поражением Германии, отказываться от осуществления своих захватнических планов и вступать на путь компромиссного мира.

Американский же империализм фактически выступал в этой борьбе в роли «третьего радующегося», рассчитывая на взаимное

¹⁷ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» № 464 от 11 сентября 1918 года.

ослабление как Германии, так и Англии и Франции, чтобы, используя своё экономическое могущество, павязать обессиленной Европе «американский» мир. Так выглядит на деле «мудрая» и «справедливая» политика президента Вильсона.

В американской и отчасти в западноевропейской литературе широко распространена легенда об огромной якобы роли американской армии в поражении Германии. Эту легенду подхватили и некоторые немецкие буржуазные исследователи, ведущие дело к тому выводу, что если бы не США, то Германия справилась бы со своими европейскими противниками.

В действительности же участие Соединённых Штатов в войне было главным образом участием поставщика. Почти через год после вступления США в войну во Франции насчитывалось лишь 329 тыс. американских солдат. Правительство США не спешило с помощью, ибо ослабление союзников было ему на руку.

Клемансо добивался скорейшего прибытия американских войск в Европу и ввода их в военные действия. Однако генерал Першинг не давал определённого ответа на это требование и всячески затягивал сроки. Клемансо выражал также недовольство Фошом, который, по его мнению, действовал в этом направлении недостаточно энергично и не использовал своих прав, как главнокомандующий союзными армиями. На этой почве возникли даже довольно острые разногласия между Клемансо, с одной стороны, Фошом и Пуанкаре — с другой.

Клемансо впоследствии писал: «Все мы трое, генерал Фош, Пуанкаре и я, были одного мнения — нам совершенно необходимо увеличить численный состав армии, чтобы заменить погибших на поле брани. Но генерал Фош и Пуанкаре хотели, чтобы это мнение осталось лишь мнением, я же претендовал обратить его в дело. Но оба противника не хотели вступать в борьбу с угрозой генерала Першинга, которое могло привести к разрыву. Другими словами, по их мнению, я желал слишком многого, на что и отвечал, что они желали недостаточного»¹⁸.

Дело, понятно, не в упрямстве Першинга, а в определённой политике США. Приток американских войск на европейский театр войны стал заметно усиливаться лишь с середины 1918 г. и в ноябре достиг внушительной цифры — в 2 057 675 человек¹⁹.

США особенно усилили переброску своих войск через океан в тот период, когда уже явно обнаружилось истощение людских резервов противника и германская армия оказалась неспособной к серьёзным наступательным операциям. Но и тогда американское командование не спешило ввести их в бой; оно придерживало их для финального этапа войны. Количество американских войск, находившихся на фронте, было отно-

сительно невелико. По прибытии во Францию американские дивизии обучались ещё несколько месяцев в ближайшем тылу, а затем им отводились сравнительно спокойные участки фронта. Из 42 американских дивизий, находившихся в ноябре 1918 г. во Франции, на фронте было только 18²⁰.

США, вступившие в войну в тот момент, когда их европейские партнёры были уже достаточно изнурены, претендовали на руководящую роль в антитерманской коалиции. Эта тенденция США наталкивалась на упорное сопротивление правящих кругов Франции и Англии. Особенно опасалась усиления американского влияния в Европе Великобритания. По мере того как мировая империалистическая война, осью которой являлся антагонизм Англии и Германии, близилась к концу и усиливалось вмешательство Соединённых Штатов Америки, перед Великобританией в лице США вырисовывался новый, ещё более грозный, нежели Германия, противник. Клемансо рассказывает, что однажды, после того как он и Ллойд Джордж приветствовали прибывшие в Европу американские войска, английский премьер сказал ему: «Знаете ли вы, что только что вы заставили меня приветствовать одно из крупнейших поражений Англии?»²¹.

Ни англичане, ни французы, вынесшие всю тяжесть войны с Германией на Западном фронте, не намерены были, особенно теперь, на финальном этапе войны, усиливать позиции США в Европе, или, тем более, уступить им руководящую роль в войне с Германией.

Первая боевая операция, которую осуществила американская армия, имела место в середине сентября 1918 г., т. е. за два месяца до окончания войны, когда уже явно обнаружилось поражение германской армии.

По данным, опубликованным в «Current history» в 1919 г., количество убитых и умерших в американской армии составило около 70 тыс., а раненых — около 200 тыс., в то время как для Англии эти цифры были больше в 10 раз, для Франции — соответственно в 20 и 14 раз, причём и эти данные, по последующим подсчётам, оказались преуменьшёнными в отношении количества убитых в английской и раненых во французской армиях²².

Не менее убедительны факты и об американской «помощи» в военной технике. США поставляли союзникам преимущественно продовольствие и амуницию. Ллойд Джордж писал, что «ни одно орудие американского образца или американского производства не дало ни одного выстрела в эту войну. То же относится к танкам»²³. Да и сама американская армия, действовавшая на Западном фронте, была оснащена главным образом

²⁰ C. Repington. The first world war 1914—1918. Vol. II, p. 487—488. London. 1920.

²¹ Clementenceau. Указ. соч., стр. 167.

²² «Current history», февраль 1919 г., стр. 240.

²³ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. V, стр. 310. М. 1938.

¹⁸ Clementenceau. Указ. соч., стр. 57.

¹⁹ «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs». Bd. III, S. 55.

французской и английской военной техникой. Вся тяжёлая артиллерия, все танки и две трети самолётов, находившихся на вооружении американской армии в Европе, были французского или английского происхождения.

Сам Першинг за две с половиной недели до подписания перемирия в Компьне в беседе с Хейгом согласился с мнением последнего о том, что американская армия «только к осени будущего года будет окончательно сформирована и достаточно обучена, чтобы играть важную роль в войне»²⁴.

Так выглядят в свете неопровержимых исторических фактов легенда об огромной роли американской армии в поражении Германии в 1918 году.

В американской и отчасти в западноевропейской исторической литературе распространена легенда о миротворческой деятельности и дипломатическом искусстве президента Вильсона, в результате которых якобы был ускорен полный разгром Германии и спасена не одна сотня тысяч человеческих жизней.

Профессор Сеймур, этот дипломированный лакей американского империализма, утверждает, что «если бы не политическая активность президента Вильсона, окончательный (разрядка моя.—Я. Ц.) разгром Германии был бы отложен и война продолжалась бы ещё несколько недель или даже месяцев после 11 ноября. Вильсон появился перед немецким народом в 1918 году,—восклицает Сеймур,—с мечом в правой руке и с оливковой ветвью в левой»²⁵.

Почему же эти «миротворческие» соображения Вильсона не сказались сразу, после первого обращения германского правительства к американскому президенту с просьбой о перемирии и мире, и война продолжалась ещё свыше месяца?

Германские империалисты, обращаясь с просьбой о перемирии не сразу ко всем правительствам неприятельских стран, а к президенту США Вильсону, прекрасно понимали, что в данной ситуации из всех неприятельских стран они могут пользоваться наибольшей «облагосклонностью» США и их президента Вильсона, они видели в американском президенте «защиту» от Франции и Англии.

Граф Федерн, статс-секретарь имперского казначейства в кабинетах графа Гертлинга и принца Макса Баденского, в своих показаниях следственной комиссии германского рейхстага сообщил 20 декабря 1923 г. по этому поводу следующее: «Мнение Гинтце (статс-секретарь иностранных дел в кабинете графа Гертлинга.—Я. Ц.) относительно формы и адреса мирного предложения сводилось к тому, что оно могло быть отправлено только на основе 14 пунктов Вильсона и потому лишь в адрес президента Соединённых Штатов, ибо он был единственный среди наших врагов, который уже открыто

выставил определенно сформулированные условия мира, принятие которых морально принуждало бы его приступить немедленно к переговорам. Все, чем угрожали Германии в своих речах государственные деятели Англии и Франции, выходило далеко за пределы условий Вильсона»²⁶.

Обращение германского правительства с просьбой о перемирии к Вильсону, отправленное в ночь с 3 на 4 октября 1918 г., отвечало также и интересам американского империализма, стремившегося захватить инициативу в переговорах с Германией в свои руки и навязать Европе «американский» мир.

Профессор Сеймур утверждает, что Вильсон якобы во имя высоко гуманных, общечеловеческих чувств решил не отклонять просьбы германского правительства, а вступить с ним в переговоры. Однако сам Сеймур невольно разоблачает миф о «гуманности» Вильсона, ссылаясь на полковника Хауза, который, как известно, возражал против прямого отрицательного ответа на ноту германского правительства и, более того, предупреждал президента, что в случае отклонения этих переговоров сейчас придёт зима, когда весь народ потребует мира, смягчить условия. «Наша позиция,—писал Хауз Вильсону,—я полагаю, должна состоять в затылке, но это не должно бросаться в глаза»²⁷.

Таким образом, и Вильсон и Хауз руководствовались отнюдь не человеколюбивыми чувствами, а узко империалистическими интересами, страхом перед революционными потрясениями в Европе, перед ростом возмущения народных масс в их собственной стране, боязнью того, что плоды победы могут ускользнуть из их рук.

Согласие Вильсона рассмотреть просьбу германского правительства о перемирии преследовало и другую цель — не только сохранить инициативу переговоров в своих руках и политикой «затылки» вынудить Германию принять американскую программу мира, но заставить также и союзников США согласиться с программой Вильсона.

Характерно, что маршал Фош, беседуя в те же дни с американским дипломатом Фрейзиром, сказал последнему: «Победа почти у нас в руках, но победа имеет привычку ускользать в последнюю минуту»²⁸. Маршал Фош повторил мысль Хауза в иной редакции. Но в устах Фоша она выражала тревогу, что в последнюю минуту Соединённые Штаты Америки попытаются украсть у союзников плоды победы над Германией.

Вильсон отправил свой ответ германскому правительству, даже не посоветовавшись со своими партнёрами по общему делу. Последние узнали о нём буквально из газет.

Правящие круги Антанты были весьма раздражены поведением Вильсона. Першинг

²⁶ «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918». Bd. II, S. 422. Berlin. 1925.

²⁷ «Архив полковника Хауза». Т. IV, стр. 59. М. 1944.

²⁸ В. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг., стр. 22. Огиз. 1945.

²⁴ Duff Cooper. Haig, a biography. Vol. II, p. 340. London.

²⁵ Ch. Seymour. Указ. соч., стр. 291.

рассказывает, что Фош в беседе с ним 13 октября 1918 г. по поводу переписки германского правительства с президентом Вильсоном «выразил некоторые опасения относительно того, как бы не обошли союзников в этом деле»²⁹. А начальник британского генерального штаба Генри Вильсон в более откровенной форме зафиксировал своё мнение в дневнике от 14 октября 1918 г.: «Во время завтрака обсуждался вопрос: во-первых, что мы скажем Вильсону, во-вторых, что нужно сообщить прессе. Что касается Вильсона, то мы решили сообщить ему: нужно дать понять немцам, что его 14 пунктов (с которыми мы не согласны) не являются основой для перемирия, как думали немцы. А прессу решено было информировать так: Вильсон действует по своему усмотрению; война еще не окончена; 14 пунктов еще не есть перемирие, а перемирие еще не есть мир. Этот день представлял интерес тем, что каждый чувствовал злость и раздражение против Вильсона»³⁰.

Французский генерал Рене Турнэс с возмущением писал: «Терпимо ли, наконец, чтобы Соединенные Штаты, достигнув больших преимуществ в течение 3 лет нейтралитета и несравненно меньше потерпев, чем союзники, претендовали навязать Европе мир по своему выбору!»³¹.

Между союзниками разгоралась борьба, цели которой по мере возможности маскировались. Разногласия в лагере союзников не являлись секретом для правящих кругов Германии. Именно поэтому во вторую ноту германского правительства, от 12 октября 1918 г., был включён, не без тайных советов американской дипломатии, пункт, который в качестве перестраховки против далеко идущих требований Антанты выдвигал предельно высоким условием солидарность Англии и Франции с заявлениями президента Вильсона.

В то же время среди господствующих классов Антанты заметно росла тревога в связи с обострением революционного кризиса в Германии. Вильсон же, играя на антибольшевистской карте, прилагал все усилия к тому, чтобы убедить правительства Англии и Франции в необходимости заключить перемирие на умеренных условиях и тем самым добиться осуществления планов американского империализма.

Характерно, что через несколько дней после опубликования ответа президента Вильсона на вторую ноту германского правительства осведомительное бюро «Берлин — Запад» сообщило в германскую верховную ставку: «Надежное доверенное лицо узнало из беседы с американским поверенным в делах в Копенгагене о последней ноте Вильсона Германии. Мнение, что нота требует отречения Гогенцоллернов, ложно, необходимо лишь существенное ограничение прав монарха... Вильсон лично стоит еще на прежней точке зрения. Америка и Анг-

лия убеждены, что только терпимый для Германии мир представляет гарантию будущего»³².

Теперь не только американские империалисты, но и их единомышленники в Англии усиленно прошушывали через дипломатические каналы и прессу позицию руководящих кругов германской буржуазии, испытывавшей величайший страх перед назревавшей революцией. Они готовили сговор против немецкого народа, против той подлинно демократической силы, которая была призвана покончить с германским империализмом. Хейг на заседании английского кабинета 19 октября 1918 г. заявил: «Я предлагаю потребовать при заключении перемирия лишь то, что мы намерены удержать, и выступить против французов, стремящихся вторгнуться в Германию ради сведения старых счетов»³³.

Хейг отнюдь не был одинок. То, что он не договорил, откровенно изложил Сметс в своём меморандуме. «Есть серьезная опасность», — писал Сметс, — что влохая, но более или менее упорядоченная довоенная европейская политическая система сменится диким хаосом, беспорядочной войной осколков бывших государств — тем, что мы видим сейчас в широком масштабе на примере России»³⁴.

Ллойд Джордж в своих мемуарах отмечал, что в этих «предостерегающих словах» Сметса чувствовались «незаурядная проницательность и дальновидность». Общими не только для Хейга и Сметса, но и для Ллойда Джорджа и других членов английского кабинета являлись страх перед революционными потрясениями, с одной стороны, и опасения, чтобы за счёт ослабления Германии не укрепились соперники английского империализма — с другой.

В связи с опубликованием третьей ноты германского правительства, от 21 октября 1918 г., английский министр иностранных дел Бальфур срочно телеграфировал в Вашингтон, что британское правительство решительно возражает против 14 пунктов и оно будет настаивать на ряде других условий, о которых не упоминал президент.

Вильсон вместе с членами своего правительства обсуждал вопрос о том, что предпринять далее. Союзники выражали недовольство политикой американского президента. Германия же явно шла к революции. «Политика затяжки» в данной обстановке была чревата весьма серьёзными последствиями. 22 октября на заседании правительства Вильсон, отвечая министру внутренних дел Лейну, заявил, что на союзников «следует оказать решительное воздействие, так как они близки к тому, чтобы требовать большего, чем могут требовать по праву»³⁵.

23 октября Вильсон отправил ответ гер-

³² «Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des waffenstillstandes 1918», S. 171. 2-те Aufl. Berlin. 1924.

³³ Duff -Cooper. Указ. соч. Т. II, стр. 397.

³⁴ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. VI, стр. 164. М. 1937.

³⁵ В. Джордан. Указ. соч., стр. 18.

²⁹ Pershing. My experiences in the world war. Vol. II, p. 347. New York. 1931.

³⁰ Ch. Seymour. Указ. соч., стр. 367.

³¹ Рене Турнэс. Фош и победа союзников 1918 года, стр. 239. М. 1938.

манскому правительству, в котором сообщал, что предложение о перемирии будет передано союзникам. Одновременно Вильсон пригласил, наконец, союзников рассмотреть текст перемирия на следующих двух условиях: во-первых, заключение перемирия на основе принципов, изложенных в выступлениях Вильсона, и, во-вторых, одобрение условий перемирия военными экспертами союзников, исходя из чисто военных соображений.

Теперь, когда война близилась к концу и предстояло выработать условия перемирия с Германией и определить контуры будущего мира, противоречия в лагере союзников обнаружались с особой остротой. Лагерь «великих освободителей мира» был похож на бочку с порохом, готовую взорваться в любую минуту.

Между 23 и 26 октября в Париж прибыли главы союзных правительств и министры иностранных дел. 26 октября прибыл и представитель американского президента полковник Хауз, наделённый Вильсоном неограниченными полномочиями. «На полковника Хауза, как на представителя Вильсона на конференции по подготовке перемирия, — пишет Сеймур, — была возложена задача убедить союзников в том, что они должны умерить свои стремления и придерживаться принципов, выдвинутых Вильсоном и уже принятых немцами»³⁶. Таким образом, главная задача Хауза заключалась в том, чтобы добиться одобрения союзниками американских условий перемирия с Германией.

Вильсон и Хауз прекрасно понимали, что получить это одобрение необходимо было, пока ещё шла война и союзники были заинтересованы в сохранении полного сотрудничества с США. Было также очевидно, что в противном случае после капитуляции Германии союзники, не связываясь условиями Вильсона, постараются реализовать свои планы на мирной конференции, и тогда Вильсону будет значительно труднее им противостать.

По прибытии в Париж Хауз, однако, сразу же натолкнулся на серьёзное сопротивление союзников, не разделявших программы Вильсона и тем более не желавших оставить в руках президента руководящую роль в подготовке условий перемирия. Давно ожидавшийся конфликт разразился 29 октября при встрече Хауза с Клемансо, Ллойд Джорджем, Бальфуром и Соннино. Премьер-министры союзных правительств заявили Хаузу, что они вовсе не собираются принимать вильсоновскую программу в целом. Тогда Хауз, с одной стороны, пустит в ход столь сильно действующее средство, как угроза заключения Соединёнными Штатами сепаратного мира с Германией, а с другой — стал запугивать своих партнёров опасностью большевизма.

Подобно тому как «прозревшие» германские аннекционисты, охваченные страхом перед нарастающей в стране революцией, искали примирения с империалистами США и Антанты, так и американские империалисты, играя на той же антибольшевистской

карте, добивались заключения не «мстительного» перемирия, а мира с Германией, с тем чтобы укрепить позиции немецкой буржуазии и юнкерства и реализовать свои далеко идущие империалистические планы.

О том, что угроза заключения Соединёнными Штатами сепаратного мира с Германией не являлась лишь дипломатическим манёвром США, свидетельствуют усиленные переговоры США и Германии за спиной Франции и Англии. В те дни, когда в Париже шла острая борьба между Хаузом и главами союзных правительств, состоялась встреча представителей США и Германии.

Германский канцлер принц Макс Баденский приводит в своих мемуарах доклад немецкого представителя об этой встрече. Из доклада явствует, что Вильсона вполне устраивала пресловутая «демократизация» Германии, проведённая по приказу Людендорфа, и что настоячивые требования американского президента об отречении кайзера и отказе кронпринца от престола являлись в руках Вильсона лишь тактическим средством для обмана масс показным демократизмом и для давления на правящие круги Англии и Франции, чтобы заставить их принять американские условия перемирия.

Немецкий представитель выдвинул перед вильсоновским посланцем (Макс Баденский не указывает их фамилий) следующую дилемму: если в Германии произошли бы «сенсационные демократические дела» (т. е. отречение кайзера и отказ кронпринца от престола. — Я. Ц.), а Вильсону всё же не удалось бы настоять на своей точке зрения, — ведь в таком случае Германия согласилась бы принять условия перемирия лишь частично. «Что же следует тогда?» — спрашивал немецкий представитель.

Ответ американца гласил: «Тогда создаётся бы затруднительная ситуация для шовинистских правительств (имеются в виду правительства Англии и Франции. — Я. Ц.) перед их народами».

Немецкий представитель поспешил уточнить этот ответ. «В таком случае, — сказал он, — я полагаю, что продолжение войны означало бы большой риск для Клемансо и Ллойд Джорджа».

Эту мысль, как сообщал немецкий представитель своему канцлеру, подтвердил и вильсоновский посланец³⁷.

Более того: представитель Вильсона заявил, что самое предложение германского правительства о перемирии было ошибкой, ибо оно поощряло правительства Англии и Франции к дальнейшей борьбе; он дважды подчеркнул, что на условия перемирия германское правительство должно было отвечать контрвопросами, разделяют ли союзники вильсоновские условия мира. Беседа германского и американского представителей закончилась общим призывом: «Ради бога сделать что-нибудь, чтобы усилить Вильсона против милитаристов»

³⁷ Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente, S. 533. Berlin und Leipzig. 1927.

³⁶ См. Seymour. Указ. соч., стр. 366

Антанты, которые стоят у власти во Франции и в Англии»³⁸.

Этот документ особенно наглядно вскрывает всё лицемерие и ханжество Вильсона и всей своры вильсоновских апологетов. В то время как силы германского империализма иссякали, а на фронтах мировой войны продолжала ещё обильно литься кровь, в то время как народы мира терпели величайшие страдания, посланцы Вильсона обнадёживали германских империалистов и подталкивали их к дальнейшему сопротивлению, рассчитывая этим облегчить американскому империализму давление на Францию и Англию, чтобы заставить последних согласиться с американскими условиями перемирия и мира.

Выработка союзниками условий перемирия была ускорена разразившимися в германском флоте революционными событиями (отказ матросов германского флота, собранного на рейде Шиллинг в заливе Яде, от выхода в море 28—29 октября 1918 г., восстание в Киле 4 ноября 1918 г.), послужившими прологом к революции в Германии.

Не случайно 4 ноября 1918 г., в день восстания в Киле, союзники наконец после острейшей борьбы приняли текст условий перемирия с Германией. Одновременно с текстом условий перемирия президенту Вильсону был отправлен сформулированный Ллойд Джорджем и принятый представителями союзных правительств меморандум, в котором заявлялось о готовности заключить мир на основе 14 пунктов, но с оговорками относительно принципа свободы морей и права на возмещение убытков, причинённых германской агрессией.

На следующий день, 5 ноября, Вильсон отправил свою последнюю ноту германскому правительству. В текст ноты был включён и меморандум союзных правительств. В заключение Вильсон, выражая своё согласие с объяснением, данным в меморандуме союзников относительно возмещения ущерба, нанесённого германскими вооружёнными силами, вместе с тем упомянул о своём отношении к той части этого документа, которая касалась так называемой «свободы морей». На деле это означало его открытое сопротивление требованиям союзников.

Нота Вильсона была получена в Берлине 6 ноября в 41 час. 50 мин. дня. А рано утром 6 ноября в результате организованной Шейдеманом провокации советское подпредство оказалось вынужденным по требованию германского правительства покинуть Берлин. Совпадение этих дат не случайно. Германское правительство спешило разорвать дипломатические отношения с Советской Россией и включиться в общий с империалистами США и Антанты антисоветский интервенционистский фронт. Этого добивался и Вильсон.

В. И. Ленин в своём докладе на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 6 ноября 1918 г. говорил про империалистов Антанты: «Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лиф-

ляндии, потому что, хотя они и враги германского империализма, но эти войска делают их дело: они подавляют большевиков»³⁹.

Так выглядит в свете неопровержимых исторических фактов легенда о миротворческой деятельности и дипломатическом искусстве президента Вильсона, в результате которых якобы был ускорен полный разгром Германии и спасена не одна сотня тысяч человеческих жизней.

В американской и западноевропейской буржуазной исторической литературе распространено немало легенд о Компьенском перемирии 1918 г. и прежде всего о том, почему союзники не довели свою победу над Германией до её полной и безоговорочной капитуляции.

Ещё в дни Комьена некоторые политические и главным образом военные деятели союзников задавали вопрос: «Почему перемирие с Германией было подписано в Комьене, а не в Берлине?» Этот вопрос приобрёл особую остроту спустя несколько лет после подписания Версальского договора, когда германский империализм благодаря золотому дождю американских долларов воссоздал свой военный потенциал и открыто выступил под флагом реванша с планом развязывания второй мировой войны. Так, например, бывший начальник канцелярии Клемансо, генерал Мордак, писал в 1932 г.: «Каким был бы ход событий, если бы 4 ноября 1918 г. союзники в Верховном совете заявили о своём намерении продолжать войну с Германией? Что предприняла бы Германия в этом случае?»

Ввиду отчаянного стратегического и политического положения, в котором она находилась, она, вероятно, вторично обратилась бы с просьбой о перемирии и приняла бы все поставленные союзниками условия, вплоть до подписания перемирия в самом Берлине, со всеми вытекающими из этого последствиями, в частности оккупацией большей части Германии»⁴⁰.

Проанализировав соотношение сил Германии и её противников на фронтах, их людские резервы, материалы, продовольственные и сырьевые ресурсы, автор приходит к следующему выводу: «Если бы 4 ноября 1918 г. союзники решили продолжать войну и подписать мир только в Берлине, они имели бы девять шансов из десяти вскоре же добиться этого, так как Германия в то время была слишком истощена и не имела больше сил для продолжения войны»⁴¹.

Американский генерал Першинг в своих мемуарах, посвящённых первой мировой войне, писал: «Если бы союзники потребовали от Германии безоговорочной капитуляции, она вынуждена была бы пойти на все и её войска вернулись бы в Германию без оружия, фактически как военнопленные,

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 129.

⁴⁰ J. Morga s q. *Pouvait-on signer l'armistice à Berlin?* P. 168. Paris. 1930.

⁴¹ Там же, стр. 184.

освобожденные под честное слово. Капитуляция Германии дала бы преимущество союзникам при выработке условий мира, и это было бы действенным средством предупреждения возможной германской агрессии в будущем»⁴².

Маршал Фош, выступая на заседании Верховного военного совета союзников 31 октября 1918 г., заявил, что имеются все возможности для продолжения военных действий до полного поражения противника. Однако сам он высказался за заключение перемирия.

Почему же союзники не решились в столь благоприятной для них обстановке продолжать войну до полного разгрома противника? Почему они не воспользовались своими преимуществами, достигнутыми столь дорогой ценой? Дело в том, что для империалистов США и Антанты проблема завершения войны была неразрывно связана с проблемой подавления революционного движения в Германии и в своих собственных странах и с проблемой удушения прежде всего Советской России, этой базы и очага мирового революционного движения. Реально политическая связь этих двух проблем отчётливо выступала не только в политике империалистов терпевшей поражение Германии, но и одерживавших победу империалистов США и Антанты.

8 ноября 1918 г. Фош от имени союзных держав вручил в Компьенском лесу германской делегации условия перемирия. А на следующий день, 9 ноября, восставшие рабочие и солдаты свергли в Берлине династию Гогенцоллернов.

Революция в Германии крайне встревожила империалистов Антанты и США, ибо создалась ситуация, при которой плоды победы могли ускользнуть из их рук. На заседании английского кабинета 9 ноября 1918 г. начальник британского генерального штаба Генри Вильсон настаивал на немедленном заключении мира. Иначе, указывал он, распад Германии приведёт к большевизму. Вильсон записал в своём дневнике по этому поводу: «Весь кабинет был того же мнения. Действительная опасность для нас в настоящее время не немцы, а большевики»⁴³.

Окрепшая за год своего существования молодая Советская республика в России и развернувшийся под её влиянием подъём рабочего движения в других странах сорвали планы империалистов обеих воюющих коалиций. В Германии и Австро-Венгрии разразилась революция. Во Франции, в Италии, в Англии в народных массах царил огромное революционное возбуждение. Империалисты обеих воюющих коалиций испытывали смертельный страх перед самым страшным для них «внутренним врагом».

Империалисты США и Антанты, при всей остроте противоречий внутри их лагеря по германскому и другим вопросам, в качестве своей главной задачи поставили не доведение войны до полной и окончательной побе-

ды над Германией, а подавление большевизма, что на их языке должно было означать победу не только над Советской Россией, но и подавление революций в Центральной Европе и революционного движения в их собственных странах.

Германские империалисты, в свою очередь, добивались скорейшего заключения перемирия, чтобы иметь свободными руки для подавления революции внутри страны, включением в общий антисоветский интервенционистский фронт США и Антанты облегчить себе условия мира на Западе и даже перекрыть своё поражение на Западе захватами на Востоке. «Сегодня большевизм — большая опасность, нежели Антанта»⁴⁴, — ещё 5 ноября заявил Шейдеман на заседании правительства.

Именно этими соображениями руководствовались и империалисты стран-победительниц, когда они пошли на довольно значительное смягчение условий перемирия в Компьене по сравнению с текстом его, принятым главами союзных держав 4 ноября в Париже⁴⁵.

Наиболее существенными уступками были предоставление немцам шести лишних дней, в течение которых они могли завершить свой отход к востоку от нейтральной зоны; нейтральная зона на правом берегу Рейна определялась не в 30—40 км, а в 10 км восточнее Рейна; эвакуация областей на левом берегу Рейна устанавливалась не в 25 дней, а в 31 день с момента подписания перемирия; количество подлежащих сдаче грузовых автомобилей уменьшилось с 10 тыс. до 5 тыс.; срок поставок паровозов, вагонов и грузовых автомобилей вместо 14 дней был продлён до 36 дней; количество подлежащих сдаче пулемётов было сокращено с 30 тыс. до 25 тыс., а самолётов — с 2 тыс. до 1700; германским войскам в Восточной Африке было предоставлено право эвакуации вместо безоговорочной капитуляции в месячный срок; срок перемирия увеличивался с 30 до 35 дней.

Кроме того, по настоянию германской делегации, в окончательный текст соглашения о перемирии был внесён ряд весьма существенных редакционных исправлений. Так, например, статья 1-я раздела А в новой редакции давала возможность германским империалистам рассматривать Эльзас-Лотарингию как немецкую, а не оккупированную территорию; дополнение к статье VI раздела А спасало не только германскую сеть шпионажа на ранее оккупированных территориях, но и предоставляло амнистию всем участникам германского нашествия, грабежа и насилий над местным населением и в значительной мере предreshало вопрос о привлечении к ответственности кайзера и других виновников войны.

Наиболее важная уступка заключалась в том, что германская армия получила возможность в течение шести суток двигаться

⁴⁴ Max von Baden. Указ. соч., стр. 580.

⁴⁵ «История дипломатии» утверждает: «В частных совещаниях германская делегация добилась незначительных уступок» (Т. II, стр. 375).

⁴² Pershing. Указ. соч. Т. II, стр. 368.

⁴³ S. C. Lowell. Field-marshal sir Henry Wilson, Life and diaries. Vol. II, p. 148. London — New York, 1927.

по территории Франции, Бельгии, Люксембурга без сопровождения войск стран-победительниц, что раньше условиями перемирия не предусматривалось. В новом порядке отступления германской армии была и другая сторона: империалисты Антанты и США стремились оторвать уставших и заражавшихся революционным брожением солдат союзных армий от солдат германской армии. Старый империалистический волк Уинстон Черчилль не без основания писал: «Если бы эти армии приняли сообщу какое-нибудь решение, если бы удалось совратить их с пути долга и патриотизма, не нашлось бы такой силы, которая была бы в состоянии им противостоять»⁴⁶.

Особое значение имела новая формулировка статьи 12-й условий перемирия, всем своим острием направленной против Советской России. Союзные империалисты, предпринявшие интервенцию против Советской России под предлогом борьбы с Германией, теперь открыто выражали в этой статье готовность использовать немецкие войска для дальнейшего осуществления антисоветской интервенции. Германия становилась поставщиком войск США, Англии и Франции в войне против Советской России. Германский империализм из противника превращался в своеобразного союзника империалистов стран-победительниц. Война переносилась с Западного на Восточный фронт.

Вот почему потерпевшие поражение вооружённые силы Германии не были окончательно разгромлены, а спокойно отступили в пределы своей страны, не понеся, по существу, никаких потерь в людском составе и успев вывезти большую часть военного имущества.

Вот почему союзные империалисты, идя на новое смягчение условий перемирия в Компьене, не только спасли германскую армию от полного разгрома, но и дали возможность Гинденбургу произвести на правом берегу Рейна отбор ее устойчивых частей для подавления революции в Германии и переброски на Восточный фронт, где немецкие оккупанты терпели жесточайшее поражение под ударами партизанских отрядов и формировавшихся частей украинской Красной Армии, гнавших немецких интервентов с территории родной земли.

Известно, что важнейшую роль в разгроме кайзеровских армий сыграла героическая борьба русского и украинского народов, разгромивших свыше 50 немецких дивизий, находившихся до самого конца войны на Восточном фронте.

Одним из весьма веских доводов, объясняющих причины отказа союзников от требования безоговорочной капитуляции Германии и чаще всего приводившихся французскими исследователями и политическими деятелями, являлось обвинение правительства США, президента Вильсона и его представителя в Париже полковника Хауза в том, что они, преследуя цель украсть плоды победы Антанты над Германией, заставили союзников пойти на заключение перемирия при первой возможности, вместо того чтобы

кончить войну вступлением союзных войск в Берлин и подписанием перемирия в столице Германии.

Определённый свет на это обвинение проливает переписка полковника Хауза с Поль-Жозефом Манту, французским историком, принимавшим участие в заседаниях Верховного военного совета в качестве переводчика. Полковник Хауз писал Манту: «Часто говорят, что мир был преждевременным и что нужно было бы продолжить войну на 60 дней для того, чтобы окончательно разбить Германию. Легко критиковать и обсуждать прошедшие события. Но в то время, в решающие дни осени 1918 года, когда мы проводили заседания в Версале, стараясь собрать все плоды победы, не жертвуя новыми жизнями, было очень трудно решить, где кончался наш долг по отношению к цели и где он кончался по отношению к нашим храбрым солдатам»⁴⁷.

Манту на это письмо Хауза ответил: «Наши потери, столь тяжелые за четыре года войны, стали исключительно тяжелыми на последнем этапе войны, отмеченном бесконечными и ожесточенными боями. Помимо чисто военных соображений, среди государственных деятелей царил твердое убеждение, что народы, проявившие готовность к любым жертвам во имя справедливого дела, никогда не простят своим руководителям, если запоздают их в продолжении войны за пределы необходимости»⁴⁸.

Генерал Мордак в своих попытках защитить политику Клемансо и Фоша от многочисленных нападков их противников ссылается на разговор Клемансо с маршалом Фошем 9 ноября 1918 г. в Санлисе. На вопрос, заданный Клемансо Фошу, не считает ли он политической и стратегической ошибкой заключение в данный момент перемирия с немцами, маршал ответил: «Продолжать войну — значило бы вести рискованную игру. Мы, вероятно, потеряли бы еще 50 или 100 тысяч французских солдат, не считая союзников, и все же во имя весьма проблематичных выгод. Уже, к сожалению, достаточно пролито крови, хватит этого»⁴⁹. Клемансо целиком солидаризировался с маршалом.

Почему продолжение войны означало «рискованную игру», да к тому же «во имя весьма проблематичных выгод»? На этот вопрос буржуазная историческая литература ответа не даёт. Зато в ней нет недостатка в прославлении «рыцарских» намерений Фоша.

В тот момент, когда выработывались условия перемирия с Германией, в Версале шла усиленная подготовка к осуществлению широкого плана антисоветской интервенции, для чего предполагалось привлечь и германские войска. Именно Фош поставил на Верховном совете Антанты вопрос об использовании немцев против Советской России.

Американский реакционный журналист Уолтер Липпман, выражая глубокую тревогу по поводу будущего Германии и Европы,

⁴⁷ J. Mordacq. La vérité sur l'armistice, p. 57. Paris. 1929.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 61.

⁴⁶ У. Черчилль. Мировой кризис, стр. 32. М.-Л. 1932.

писал в то время: «Из этой войны поднимается новая Европа. Это вполне очевидно, — возникает лишь вопрос, будет ли она организована в Париже или дезорганизована из Москвы»⁵⁰. Война, признавал далее Липпман, революционизировала Европу. «Мысль о неизбежности революции преобладает у всех и повсюду. Ленин и Либкнехт (незримо) присутствуют на заседаниях Совета в Париже, и их голоса слышатся в каждой дискуссии. Это именно с ними мир ведет сегодня переговоры о своем существовании»⁵¹.

А Самнер Уэллес, заместитель государственного секретаря США, писал: «Революционный характер доктрин, исходящих из коммунистической России, вызвал паническую истерию как в Европе, так и в Новом Свете»⁵².

Уолтер Липпман и Самнер Уэллес не договаривают. Дело, конечно, не только в панической истерии империалистов США и Западной Европы, и тем более не в «дискуссиях с Лениным и Либкнехтом», ибо на заседаниях Верховного военного совета союзников речь шла не о дискуссии, а об удушении Советской России, о подавлении разразившейся в Германии революции руками немецких империалистов под контролем империалистов США и Антанты.

Американские прогрессивные авторы М. Сейерс и А. Кан в своей книге «Тайная война против Советской России» пишут: «Причиной, заставившей союзников отказаться от мысли в 1918 г. дойти до Берлина и раз навсегда разоружить германский милитаризм, был их страх перед большевизмом, на котором искусно сыграли немецкие политические деятели»⁵³.

Несомненно, одной из важных причин, заставивших союзных империалистов отказаться от заключения перемирия в Берлине на основе безоговорочной капитуляции Германии, являлся их страх перед большевизмом, перед народными массами, терпение которых приходило к концу. Рабочие и крестьяне в тылу, солдаты на фронте всё более открыто выражали готовность последовать примеру российского пролетариата и установить подлинный демократический мир между народами, возвещённый Великой Октябрьской социалистической революцией.

Несомненно также, что этот страх перед большевизмом искусно использовали не только германские империалисты, но и их американские покровители, преследовавшие свои специфические цели — установление господства американского капитала в Европе и во всём мире.

Но это объяснение причин отказа союзных империалистов от безоговорочной ка-

питуляции Германии далеко не является исчерпывающим.

Уинстон Черчилль цинично признаёт, что вечером 11 ноября, когда он беседовал наедине с Ллойд Джорджем в большом зале на Даунинг-стрит, его настроение было двойственным: «С одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу»⁵⁴, для чего Черчилль рекомендовал мир с германскими империалистами и войну с большевиками⁵⁵.

Буквально в те же дни президент Вильсон заявил: «А теперь наш враг есть мировым большевизм»⁵⁶.

Таким образом, главная и решающая причина отказа союзных империалистов от безоговорочной капитуляции Германии заключалась в том, чтобы скорее развязать себе руки для удушения окрепшей за год Советской России, а также развязать руки немецким империалистам для подавления революции в Германии.

В. И. Ленин и И. В. Сталин с присущей им прозорливостью разоблачали планы империалистов и призывали трудящиеся массы Советской республики к острой бдительности и мобилизационной готовности, чтобы отразить новый поход иностранных интервентов.

И. В. Сталин в статье «Резервы империализма» писал: «Союзный империализм, победивший своих австро-германских соперников, поставил вопрос резко и определённо о вооружённом вмешательстве (интервенция!) в «русские дела». Никаких переговоров с «анархической» Россией! Перебросить часть «освободившихся» войск на территорию России, влить их в бойгвардейские части Скоропадских и Красновых, Деникиных и Бичераховых, Колчаков и Чайковских и сжать в «железное кольцо» очаг революции, Советскую Россию, — таков был план империалистов»⁵⁷.

В. И. Ленин говорил об англо-франко-американских империалистах: «Они главной задачей считают душисть мировой большевизм, душисть его главную яичку, Российскую Советскую Республику»⁵⁸.

Вот почему и Компьенское перемирие 1918 г., менявшее всю международную политическую обстановку, было не только фиксированием условий капитуляции побеждённой Германии, но и исходным моментом сговора империалистов стран-победительниц с империалистами потерпевшей поражение Германии против Советской России, против немецкого народа и народов мира. В осуществлении этого сговора, как и в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 г., ведущая роль принадлежала Соединённым Штатам Америки.

⁵⁰ Walter Lippman. The political scene, an Essay on the Victory of 1918, p. X. London. 1919.

⁵¹ Там же, стр. 68.

⁵² Sumner Welles. The time for decision, p. 12. New York — London. 1944.

⁵³ М. Сейерс и А. Кан. Тайная война против Советской России, стр. 72. М. 1947.

⁵⁴ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 3.

⁵⁵ См. там же, стр. 258.

⁵⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 198.

⁵⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 245—246.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 142.